Л. В. Балашова

В. В. Дементьев

РУССКИЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

STUDIA PHILOLOGICA

УДК 81.42
ББК 81.006
Б 20

Балашова Л. В., Дементьев В. В.

Б 20 Русские речевые жанры. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — 832 с., *ил.* — (*Вклейка после с. 832*) — (Studia Philologica).

ISBN 978-5-907498-23-5

Книга посвящена одному из важнейших аспектов отечественной теории речевых жанров: исследуется русская речевая культура с позиции речевых жанров, русские речевые жанры в связи с языковой картиной мира.

Отдельные исследования посвящены: жанру «разговор по душам» как одной из базовых ценностей русской культуры; заимствованному жанру «светская беседа»; обращениям в русском языке и речи; жанрам аналитического политического обзора и оценочного метакомментария в топе новостного браузера; анекдота; онлайн-теста; интернет-рейтинга; интернет-энциклопедии; послания потомкам в капсуле времени (1960-е гг.); жанрам русской «внелитературной речевой культуры».

Рассматривается ряд проблем теоретического характера, еще не получивших удовлетворительного решения в современном жанроведении: жанр и язык, жанр и оценка, жанр и творчество, жанр и интертекстуальность, жанр и языковая личность, фатическая центробежность в русской речевой культуре, речежанровые заимствования в русской речевой коммуникации, изучение речевых жанров на основе текстовых корпусов (корпусная генристика), изучение речевых жанров в связи с цифровизацией словесности.

Для лингвистов, преподавателей и студентов-филологов.

The book deals with one of the most important aspects of the Russian theory of speech genres: it examines Russian speech culture from the position of speech genres, Russian speech genres in connection with the linguistic picture of the world.

Separate studies focus on the genre “razgovor po dusham” (≈ “a heart to heart talk”) as one of the basic values of Russian culture; the borrowed genre “svetskaya beseda” (≈ “small talk”); vocatives in Russian speech; genres of analytical political review and evaluative metacommentary in the top of the news browser; anecdote; online test; internet rankings; online encyclopedias; messages to descendants in a time capsule (1960s); genres of Russian “non-literary speech culture”.

The authors address a number of theoretical problems which have not yet received a satisfactory solution in the modern theory of speech genres: genre and language, genre and evaluation, genre and creativity, genre and intertextuality, genre and linguistic personality, phatic centrifugality in Russian speech culture, speech genre borrowings in Russian speech communication, study of speech genres based on text corpora (corpus genristics), study of speech genres in connection with the digitalization of literature and language.

For linguists, teachers and students of philology.

УДК 81.42
ББК 81.006

В оформлении переплета использована работа
Елизаветы Сергеевны Жигалкиной «Львов», 1992 г.

ISBN 978-5-907498-23-5

© Л. В. Балашова, В. В. Дементьев, 2022
© Издательский Дом ЯСК, 2022

Оглавление

Введение 9

Глава I. Теоретические основы исследования: теория речевых жанров и актуальные проблемы коммуникативной и когнитивной русистики (*В. В. Дементьев*) 15

1.1. Что дает русистике теория речевых жанров? Речежанровые модели для описания русской культуры 15

1.2. Когнитивная генристика: проблема «жанр и культура» 48

1.3. Аксиологическая генристика: аспекты проблемы «оценка и жанр» 80

1.4. Проблема «жанр и творчество»: парадоксы жанра 85

1.5. Интертекстуальный аспект речевых жанров 105

1.6. Жанр и языковая личность (персонологическая генристика) . . . 120

Глава II. Лингвистический, лингвокогнитивный, лингвокультурологический аспекты русских речевых жанров 139

2.1. Фатические и информативные речевые жанры и фатическая центробежность в русской речевой коммуникации (*В. В. Дементьев*) 139

2.2. Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке (*Л. В. Балашова*) 161

2.2.1. Специальные жанровые подсистемы книжных стилей 162

2.2.2. Жанры обиходно-бытового общения или не ограниченные сферой применения 177

2.3. Речевые жанры в русской идиоматике (*Л. В. Балашова*) 182

2.3.1. Состав и структура анализируемых идиом 183

2.3.2. Семантическая характеристика анализируемых идиом 196

2.4. Жанровое и околожанровое пространство в русских паремиях (*Л. В. Балашова*) 219
2.5. Жанры «внелитературной речевой культуры» в зеркале метафоры (*Л. В. Балашова*) 234
2.5.1. Официально-деловая коммуникация 236
2.5.2. Публицистическая, научная, педагогическая коммуникация 244
2.5.3. Неофициальная обиходная коммуникация 246
2.6. Обращения-метафоры в коммуникативной компетенции носителя молодежного жаргона (*Л. В. Балашова*) 260
2.6.1. Источники метафоризации анализируемых вокативов 261
2.6.2. Принципы формирования метафор-вокативов 267
2.7. О месте понятия «жанр» в русской языковой компетенции (на материале выражения «*в жанре...*» в НКРЯ) (*В. В. Дементьев*) 281

Глава III. Речевой (коммуникативно-прагматический) аспект (*В. В. Дементьев*) 297
3.1. Речежанровая картина современности (русский язык) 297
3.1.1. Внешнекультурная парадигма: РЖ и глобализация 302
3.1.2. Речежанровые заимствования 306
3.2. Экология русских речевых жанров 310
3.2.1. Аномалии общения через призму русских коммуникативных ценностей 317

Глава IV. Изучение отдельных жанров русской речевой культуры 323
4.1. Жанры в системе ценностей русской речевой коммуникации (*В. В. Дементьев*) 323
4.1.1. Разговор по душам 323
4.1.2. Светская беседа 330
4.2. Сфера медиа (современная русскоязычная пресса) (*В. В. Дементьев*) 332
4.2.1. «По душам» 332
4.2.2. «Светский» / «гламурный» 341

4.3. Жанры Рунета (*В. В. Дементьев*) 348
4.3.1. Интернет как поле реализации речежанровых возможностей. 348
4.3.2. Интернет-энциклопедии: «Луркоморье» vs. «Википедия» 368
4.3.3. Жанр интернет-рейтинга 391
4.3.4. Жанр онлайн-теста 429
4.3.5. Интернет-анекдоты: структурные типы 469
4.4. Сфера художественной коммуникации (*В. В. Дементьев*) 500
4.4.1. Актуальные тенденции речевых жанров в социальной и научной фантастике 500
4.4.2. Жанры общения *друзей* в т/с «Глухарь». 518
4.5. Сфера политической коммуникации. 564
4.5.1. Роль речевых жанров в динамике русской политической коммуникации (на материале канцелярита) (*В. В. Дементьев*) 564
4.5.2. Жанр аналитического обзора в политическом дискурсе через призму концептуальной метафоры (*Л. В. Балашова*) 570
4.5.3. Концептуальная оппозиция СВОЙ — ЧУЖОЙ в жанре «Программа политической партии» и партийных масс-медиа (*Л. В. Балашова*) 589
4.5.4. Оценочные метакомментарии в топе новостного браузера (*В. В. Дементьев*) 608
4.6. Жанры волонтерского дискурса: переживательные истории о котиках (*В. В. Дементьев*) 620
4.7. Капсула времени как особая сфера русской советской словесности: жанр послания потомкам (*В. В. Дементьев*) 657

Глава V. Прикладной аспект (*В. В. Дементьев*) 681
5.1. Корпусная генристика: проблема ключевых фраз (на материале НКРЯ) 681
5.2. Компьютерный анализ речевых жанров (является ли статья по жанрам речи в журнале «Жанры речи»... жанром речи?) 698
5.3. Жанры и цифровизация словесности (РИНЦ и РЖ) 729

Заключение 737

Список использованных сокращений 741
Библиография 742
Предметный указатель 791
Указатель лексем 803
Указатель речевых единиц 814
Указатель имен 828

Глава I. Теоретические основы исследования: теория речевых жанров и актуальные проблемы коммуникативной и когнитивной русистики

1.1. Что дает русистике теория речевых жанров? Речежанровые модели для описания русской культуры

Значимость жанроведения для лингвистики обусловливается тем, что сами речевые жанры имеют исключительную значимость для языка — объекта лингвистики. Как писал М. М. Бахтин, РЖ «даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [Бахтин 1996: 181]. РЖ, не совпадая с языком полностью, представляют собой феномен, без осмысления которого невозможно настоящее осмысление ни структуры языка (особенно это касается единиц языка высоких уровней и переходных явлений между языком и речью, речевой и языковой системностью), ни функционирования языка (оно практически полностью регулируется речевыми жанрами и именно от них получает все главные закономерности: типичные коммуникативные интенции, типичные ситуации, типичные языковые личности, владеющие наборами соответствующих РЖ), ни истории языка, включая прогностику («ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» [Там же: 165]).

Не менее важно то, что для решения своих проблем ТРЖ имеет собственную разработанную (более или менее оригинальную, непротиворечивую и эффективную) теорию и методологию (см. ее обсуждение в монографиях [Дементьев 2010а; Кантурова, Стексова 2019; Пономаренко 2011; Рабенко 2018; Салимовский 2002; Седов 2016; Шарифуллин 2015; Шерстяных 2013; Щурина 2015], обзорах [Алпатов 2014; Девяткин и др. 2019; Дементьев 2019а; 2020а; Дускаева 2016; Красных 2015; Салимовский, Яруллин 2017; Тарасова 2018; Шевченко 2015; Bhatia 2015; Giltrow 2010], а также выпусках международного журнала «Жанры речи»), на которые, конечно,

полезно опираться лингвистике при решении проблем, общих для лингвистики и ТРЖ.

Названные разнообразные и важные связи и одновременно дискуссионность онтологических характеристик РЖ отражаются уже в разнообразии определений этого феномена, сформулированных как М. М. Бахтиным: «типическая форма высказываний», — так и его последователями, преимущественно лингвистами: «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» (К. Ф. Седов), «кодифицированная форма действия» (А. Вежбицкая), «основа речевой системности» (В. В. Дементьев, В. А. Салимовский), «горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» (Ст. Гайда).

Таким образом, жанроведение дало лингвистике, во-первых, единицу членения и организации речи, во многих отношениях важную и даже базовую, — *жанр речи*. Единица эта не только не может быть сведена к набору традиционных лингвистических единиц, таких как словосочетание и предложение (как и к менее традиционным единицам, которыми оперирует современная лингвистика: текст, период, речевой акт и т. п.), но и в некоторых случаях позволяет существенно уточнять их. Важно, что набор жанроподобных речевых единиц, выделяемых и исследуемых в современной лингвистике, является открытым и активно пополняется (внутрижанровая стратегия, субжанр, гипержанр, жанроид); при работе с записями живой речи и корпусами релевантными оказываются такие единицы, как ключевые фразы РЖ и жанрово-ролевые сценки.

Во-вторых, жанроведение дало лингвистике содержательную (интерпретационную) категорию.

В-третьих, дало методику анализа, которая также позволяет уточнять некоторые традиционные методики анализа лингвистических единиц (в корпусной лингвистике — методику ключевых фраз).

Жанроведение и традиционная (системно-структурная) лингвистика

Применительно к традиционной (системно-структурной) лингвистике введение в исследовательский аппарат понятия РЖ и принципов речежанрового анализа стало продолжением прагматизации лингвистических исследований, которая широко распространилась уже в конце 1970-х — начале 1980-х гг. и активно обсуждалась [Николаева 1978; Булыгина 1981]. Прежде всего, это проявилось в изучении традиционных

лингвистических (лексических, грамматических) единиц в связи с их ролью в образовании единиц иллокутивных: например, на фонетическом уровне — ролью интонационных структур в образовании иллокутивных актов разных типов и связей между ними в речи.

Сейчас эта тенденция продолжается: изучаются лексемы, прежде всего существительные и глаголы (в том числе перформативные), именующие или непосредственно речевые жанры, или речевые действия, соотносимые с данными жанрами (часто разница между такими существительными и глаголами почти исключительно категориально-грамматическая, например: *просьба — просить / попросить*, *вопрос — спрашивать / спросить*, *ссора — ссориться / поссориться*, *флирт — флиртовать*), или смежные единицы из околожанрового пространства речи. Главным объектом исследования становятся существующие в лексике и фразеологии языка / языков **названия** различных жанрово релевантных компонентов речи — соответствующих единиц, правил и норм, моментов системности и типизации (см. ниже). Много такой информации содержат специализированные словари [Новый объяснительный словарь синонимов 2004; Васильев 2005; Скляревская 1998; Бондаренко 2013]).

Изучаются **пропозициональные** особенности лексических, фразеологических, синтаксических единиц, из которых строятся жанрово оформленные высказывания, — иными словами, на первый план выходит изучение **предложений**, используемых в том или ином жанре речи (см., например, работы таких лингвистов, пришедших к жанроведению от синтаксиса, как А. Мустайоки, Т. В. Шмелева, М. Я. Дымарский, Е. Ю. Викторова); на фонетическом уровне — роль интонационных структур в РЖ [Матвеева 1997]. При этом данная тенденция могла проявляться как в достаточно конкретном, даже узком виде (например, метафора в жанре жития древнерусской литературы [Балашова 1997а]), так и в более широком, например, футуральность в различных жанрах (для художественных текстов в жанрах научной фантастики и фэнтези роль футуральности больше, чем в традиционных художественных жанрах) [Сухомлина 2017]).

(Показательно, что в диссертационных советах замечания, что в диссертациях, даже на вполне традиционные лингвистические темы, не учитывается прагматический или речежанровый компонент, часто подаются как недостатки.)

Идея, что речевой жанр представляет собой структурный феномен: с одной стороны, членится на единицы низшего уровня / уровней, с другой — сам встраивается, вместе со смежными единицами, в структуры высшего порядка (иерархии

или поля), — породила целое направление лингвистического жанроведения: подобные иерархии, иногда весьма разветвленные и сложные, строят А. Г. Баранов [1997], М. Ю. Федосюк [1997], Ст. Гайда [1999], К. Ф. Седов [2016], М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова [1999], Е. В. Бузальская [2017], В. А. Салимовский и Д. В. Яруллин [2017], И. С. Шевченко [2015], — как и идея, что и РЖ, и речевые феномены более низкого / высокого уровня отражены в языковом / коммуникативно-речевом сознании, имеют свои ментальные проекции — концепты и их компоненты, — участвующие в формировании не только коммуникативно-речевой компетенции, но и языковой картины мира (далее — ЯКМ) в целом.

В целом жанроведение соответствует такой тенденции современной отечественной лингвистики, как **содержательноцентризм** (прежде всего это касается когнитивного и аксиологического жанроведения, но далеко не только их).

Исследователями (например, [Алпатов 2005; 2014; 2015; Карасик 2012; Макаров 2003; Седов 2016; Шмелева 1997; Haspelmath 2011] и др.) тенденции общего характера в развитии отечественной и зарубежной лингвистики описывались в терминах:

1) оппозиции ***абстрактного объективизма*** и ***индивидуалистического субъективизма***: эту оппозицию ввел М. М. Бахтин / В. Н. Волошинов в работе «Марксизм и философия языка» по отношению к лингвистике XIX — начала XX вв. (противопоставление «условного Соссюра» и «условного Гумбольдта»);

2) ***семантизации***, противопоставляемой формальному описанию языковой структуры / «формацентризму», «формулацентризму» (частные случаи семантизации — большее внимание к лексике по сравнению с грамматикой, активное составление словарей, «словоцентризм» как одна из тенденций лингвосемиотики);

3) ***функционализации***, к которой относят, прежде всего, изучение различных аспектов речевой коммуникации: структуры коммуникативной ситуации, распределения коммуникативных ролей, специфических речевых, а не языковых единиц (речевые акты, жанры, стратегии, тактики). Сюда же обычно относят дискурсивные, риторические, стилистические (функциональная стилистика) и (отчасти) социолингвистические исследования и т. д.;

4) (отсюда — шире) ***антропоцентризм / антрополингвистика*** и ***когнитивизм*** в широком смысле (где внимание переносится с языковых (более или менее четких и непротиворечивых) моделей на модели человеческого мышления (во многом «нелогичные»)), а также ***биосемиотика*** (доминантные и ризоматические модели при объяснении языковых и речевых явлений и т. п.);

5) наконец, ***сближение с «неточными науками»***, использование их методов, с подчеркиванием того, что традиционные лингвистические (структурные) методы

не справляются с описанием реального («слишком большого», «слишком сложного», «противоречивого», «хаотичного» и т. п.) материала.

К наиболее релевантным для данных направлений и наиболее частотно проявляющимся в них признакам относятся: перенесение внимания с языка-системы вовне (причем это «вовне» может пониматься и как внеязыковая действительность, и как функционирование языка); активное взаимодействие с культурологией и концептологией (изучение языковой картины мира и национальных ЯКМ, концептосфер), персонологией (изучение языковых личностей), литературоведением. Для целого ряда направлений характерно также стремление исследователей (явное или неявное или даже бессознательное) активно привлекать материал особого рода — наиболее яркие, а следовательно, редкие и даже единичные примеры, при этом скорее бóльшие, чем традиционные для лингвистики единицы «слово-предложение», — бóльшие тексты, что действительно характерно для литературоведения и под. Ср., например, тенденцию опираться при изучении коммуникации на художественные диалоги, для многих из которых характерна стилизация вместо типизации (привлечение для этой цели в последние годы материала корпусов только усиливает данную тенденцию). Все это также способствует описательности в лингвистических исследованиях.

Место жанроведения в данной парадигме определяется следующим.

Хотя Бахтин понимал РЖ как стандартные ***формы*** высказываний (РЖ являются «типической формой высказываний, но не самими высказываниями» [Бахтин 1996: 192]) и, по логике, в центре внимания должны быть описание и систематизация стандартных речевых форм, в реальности (по крайней мере, сегодняшней) данные исследования тяготеют к содержательноцентризму.

Известнейшая формальная модель при изучении живой речи — (западная) ТРА, как известно, забуксовывает, как только дело доходит до описания более-менее объемных фрагментов и целых разговоров. Показательно, что ТРЖ, изначально претендующая на описание и систематизацию принципиально более объемных единиц — РЖ (и многими исследователями понимается поэтому как более удачная альтернатива ТРА — с одной стороны, скорее российская, чем западная, с другой — более содержательноцентричная, чем ТРА). Отсюда становятся востребованными соответствующие методы, напоминающие литературоведческие. Таким — сближающимся с литературоведческим — является анализ почти всех реальных художественных и нехудожественных текстов, а также устных разговоров через призму ТРЖ (такими были уже первые опыты да и исследовательский стиль Бахтина-лингвиста). Зато этого стиля, как

известно, полностью лишена ТРА, начиная от первых моделей Д. Остина, Дж. Серля, П. Грайса[1].

Следует добавить, что если формальная лингвистика в России действительно развита недостаточно (по уже приводившемуся утверждению В. М. Алпатова), то функционализм распространен и у нас, и на Западе, что, однако, не привело к распространению на Западе жанроведения, — данный феномен еще предстоит осмыслить.

Но больше всего жанроведение дает лингвистике **коммуникативной**, изучающей **диалогические** явления языка и текста. Современная лингвистика речи (речеведение, коллоквиалистика, конверсационный анализ, дискурс-анализ) опирается на понятие РЖ в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов при изучении порождения и интерпретации речи. ТРЖ является одной из немногих действующих на практике моделей речевой коммуникации, учитывающих такие важнейшие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления

[1] Другими тенденциями содержательноцентризма являются, например:

— изучение ***концептов***, по популярности у современных лингвистов явно стремящееся в «научный топ»: выраженный содержательноцентричный характер данных исследований нет необходимости специально подчеркивать (они охватывают самые разные содержательные компоненты: коннотативные, узуальные, потенциальные, ассоциативные); отметим, что, на наш взгляд, прежде всего это касается двух актуальных направлений концептологических исследований: (1) изучения ***национально-специфических концептов*** (часто в связи с культурными сценариями, «национальными характерами» и другими национальными культурами) и (2) ***художественных концептов***, при этом в обоих случаях, естественно, искались закономерности, но на первый план часто выходила индивидуальность;

— изучение ***непрямой коммуникации***: имеет отчетливый содержательно-ориентированный характер общее **определение НК** (содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата); **модель НК**, включающая два аспекта (прочтение высказывания в НК определяется условиями ситуации общения; обязательным свойством НК является креативность); **классификация НК**, где основные типы выделяются тоже на содержательно-ориентированных основаниях — степень конвенциональности базовых диад (от ядерных предложений до нетипизируемой даже жанрово коммуникации) [Дементьев 2006; 2014].

начала и конца речи, передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации. В этом состоит выгодное отличие понятия речевого жанра от единиц языка, осмысляемых «вне» ситуации общения, и от речевых актов, осмысляемых как элементы этой ситуации.

В этой связи следует вспомнить концепцию принципов членения лингвистики, предложенную К. Ф. Седовым: (1) лингвистика языка (изучение «языка-системы»), (2) лингвистика речи (то же, что коммуникативная лингвистика = социолингвистика с главным разделом — жанроведением), (3) психолингвистика (с примыкающей к ней когнитологией) и (4) лингвопоэтика. К. Ф. Седов включал жанроведение в лингвистику речи, причем считал важнейшей ее частью [Седов 2016: 14–21].

Речевой жанр как конститутивная категория дискурса

Проблема речевой системности является ключевой не только для теории речевых жанров: не будет преувеличением сказать, что адекватное решение данной проблемы — задача-максимум и лингвистики текста, и теории дискурса.

Как известно, в основе лингвистики текста с момента ее возникновения на основе прагматики, стилистики и риторики лежало представление об особых — отработанных в общении, стандартных, узнаваемых речевых правилах, упорядочивающих речь и при этом отличных от правил языка. Действительно, если бы «правила текста / речи» совпадали с языковыми правилами и нормами, было бы непонятно, с одной стороны, чем отличаются друг от друга разные типы текстов на одном и том же языке (*роман*, *записка*, *протокол*, *письмо*); с другой стороны — чем отличался бы текст как единица речи от предложения.

В лингвистике текста установлено, что «правила текста / речи» многомерны, вариативны и обращены к многочисленным сторонам внеязыковой действительности: к языку и тем языковым / речевым единицам, из которых текст построен, к собственному содержанию, то есть отражаемой реальной или воображаемой действительности, к своему автору (соответственно — к его интенциям и мотивам, то есть к своей цели) и читателю / слушателю, к другим авторам и текстам, наконец, к культуре во всей ее совокупности (в любом тексте, «как в капле воды океан», отражается вся национальная и человеческая культура).

Естественно, текст обращен к своему жанру как к наиболее очевидному из текстовых правил.

Главным из факторов упорядочивания и нормативности коммуникации (в синергетической терминологии — *аттракторов*) выступает язык.

Но кроме языкового существует большое число различных способов упорядочения коммуникации, преодоления энтропии в ней: различные жанровые и риторические правила и предписания ведения как вербальной, так и невербальной коммуникации, коммуникативные категории.

Для осмысления жанров как средства формализации коммуникации является существенным понимание явления РЖ как п е р е х о д н о г о между языком и речью. С одной стороны, жанры — это не коммуникация, а только ее формы [Бахтин 1996: 192]; с другой стороны — это форма речевая, хотя здесь уже очень много стандартного. РЖ, таким образом, не язык, но и «не совсем» речь: это переходное явление, обладающее гибридными свойствами. Жанр — это единица такого высокого уровня, когда стираются границы между речевым и языковым. Именно речевые жанры составляют буферное пространство между «отчужденной» от человека системой языка и ее реальным использованием. Жанры привносят в речь и коммуникацию системность, стандарт и семиотическое начало (по Э. Бенвенисту), способствуя развитию и кристаллизации языка в «борьбе» с недостатками непрямой коммуникации, препятствующими эффективному обмену возможно более точными смыслами.

Речевые жанры, представляя собой коммуникативные аттракторы, накладывают ограничения на интерпретацию речевых высказываний, тем самым делая интерпретацию более стандартной и снижая степень неопределенности («непрямоты») коммуникации (ср.: [Богин 1997]). Одна из важнейших функций РЖ — служить опознанию адресатом интенции, на что справедливо указывает М. Ю. Федосюк: «Что же касается полного перечня содержательных признаков речевого жанра, ‹…› то он, по-видимому, и составляет ту предназначенную для распознавания адресатом характеристику коммуникативных намерений говорящего, которую М. М. Бахтин называл речевым замыслом говорящего и которая в теории речевых актов именуется иллокутивной силой высказывания» [Федосюк 1997а: 107]. Ср. определение речевого жанра Ст. Гайды: это «горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» [Gajda 1991: 70]. На данное свойство РЖ как «когнитивно-конструктивный аспект речевого жанра» указывает К. А. Долинин:

> Знание жанровых канонов ‹…› обеспечивает идентификацию жанра получателем (для чего часто бывает достаточно небольшого отрезка дискурса), т. е. ориентировку в речевом событии, в котором он участвует, активизацию соответствующего сценария, хранящегося в долговременной памяти, и, следовательно, настройку на нужную волну, включение соответствующей установки, перцептивной и деятельностной, и, как следствие, возможность прогнозировать дальнейшие речевые действия партнера, дальнейшее развертывание дискурса и адекватно реагировать на него [Долинин 1999: 10].

Жанровая речевая системность складывается из собственно речежанровых моментов стандартизации и формализации (присущих всем речевым жанрам) и риторических моментов формализации (присущих риторическим жанрам, в которых адресант стремится «построить высказывание или их ряд с его точки зрения наиболее эффективным способом» [Сиротинина 1999: 28]).

Место речевых и риторических жанров в общем структурировании речевой и невербальной коммуникации представляет типология, основанная на степени свободы интерпретативной деятельности слушающего (как уже было сказано, жанры принимают важное участие в ограничении данной свободы) (Табл. 1):

Типология коммуникации по степени свободы интерпретативной деятельности слушающего **Таблица 1**

<table>
<tr><th>Ядерные предложения</th><th>Неизосемические языковые конструкции</th><th>Эллиптические конструкции</th><th>Тропы</th><th>Конвенциональные косвенные высказывания</th><th>Флирт, ирония, светская беседа</th><th>Непредсказуемая интерпретация слушающего</th></tr>
<tr><td colspan="2">Эксплицитные высказывания</td><td colspan="5">Имплицитные высказывания</td></tr>
<tr><td colspan="4">Реализуются средствами языка</td><td colspan="3">Средства языка недостаточны</td></tr>
<tr><td colspan="5">Конвенциональные высказывания</td><td colspan="2">Неконвенциональные косвенные высказывания</td></tr>
<tr><td colspan="6">Жанрово типизированные высказывания</td><td>Жанрово нетипизированные</td></tr>
</table>

Важнейшими жанровыми аспектами структурирования и интерпретации коммуникации являются: существование типических жанровых форм, в которые отливаются высказывания (в том числе косвенные); существование внутрижанровой вариативности; существование переакцентуации и вторичных жанров; существование косвенных речевых жанров (жанр как носитель некоторого объема имплицитной информации); жанр как аттрактор, т. е. средство стандартизации и снятия ряда степеней «непрямоты» коммуникации.

Речевой жанр как единица дискурса

В логике речевых аттракторов разные единицы представляют разные типы системности дискурса. В целом, несмотря на то, что объективность существования речевых аттракторов признается всеми исследователями, до сих пор не удалось представить полную картину соотношения всех таких моментов системности (тем более то, как относится системность жанровая к остальным типам) — даже если включать в модель только наиболее широко распространенные и изученные типы правил и норм, категорий, единиц.

Вот только очень приблизительный список единиц, представляющих разные типы системности дискурса, — как уже было сказано, при определенном угле взгляда почти в каждой из них можно усмотреть некоторые моменты жанровой системности (а в некоторых — даже поставить знак равенства между данным типом системности и жанровым):

- речевой жанр, субжанр (жанроид), гипержанр;
- коммуникативная категория, коммуникативный концепт (а отсюда — коммуникативная ценность), фрейм, сценарий;
- речевой акт, иллокутивный акт, речевой / коммуникативный ход, иллокутивный компонент, интенция и интенциональное состояние;
- стратегия (микростратегия и макростратегия), тактика (и внутрижанровые стратегии и тактики);
- речевое событие, диалогическое единство, трансакция;
- (функциональный) стиль, тональность, тип дискурса;
- коннектор, «петля», (тематическая) цепь, темо-рематическая прогрессия, функциональная перспектива и коммуникативный динамизм.

Как видим, список (для удобства мы разбили его на несколько относительно более гомогенных групп) включает в себя практически все единицы и модели, используемые в современной дискурсивной теории, — говоря очень огрубленно, мы включили сюда то, что так или иначе выходит за пределы синтаксического уровня языка и предложения, начиная с конкретных средств связи между двумя предложениями в тексте.

Жанры являются средством ***типологического осмысления лингвокультур*** (типология лингвокультур на различных жанровых основаниях: тяготение к жанрам и их типам и вариантам данного типа; наполненность жанрами различных участков и сфер коммуникации внутри данных культур, см., например, фундаментальные исследования А. Вежбицкой и ее школы — К. Годдарда, Б. Питерса [Вежбицкая 1997; 2002; 2003; Вежбицкая, Годдард 2002; Годдард 2007; 2009; Питерс 2011; Wierzbicka 1983; 1987; 1990; 1991; 2005; 2006; 2009; Goddard, Wierzbicka 1997; Peeters 2009; 2016; Besemeres 2004]).

Кроме того, жанры являются средством и исторического, и даже генетического осмысления лингвокультур. Пример первого — условно, делить культуры на те, где разработаны праздноречевые жанры, включая обращение (*ты-вы* обращение, а также исторические истоки этих форм), и нет (пример — современная русская). Пример второго — культуры, где приветствие обязательно включает изречение из Святого Писания, Корана, формулу упоминания Аллаха и др. (см., например, о приветствиях в арабском языке в сравнении с русским [Чуреева, Абу Жад Анас Али Касем 2016]; А. Вежбицкая выявила упоминание бога, духов, предков в приветствиях эве и сформулировала культурные сценарии, сложившиеся в современном эве [Вежбицкая, Годдард 2002: 146–149]. Выделяются и изучаются исторические этапы, когда жанры играют разную роль — ср. жанр самоуничижения у древнерусских писцов [Гольдин 1978], проработки в раннесоветской культуре [Данилов 2001], *small talk* в современной англо-американской культуре [Small talk 2000] и т. п.). Речь идет о чем-то

наподобие углубленного, со специфическими уклонами анализа эволюции коммуникативной компетенции, ее структуры, при подчеркнутом внимании к жанровым аспектам этой структуры.

Естественной является тенденция использовать для успеха общения те средства коммуникации (включая РЖ), которыми человек владеет лучше всего, увереннее всего, а также — немаловажно — которые уже зарекомендовали себя как эффективные в определенных типичных ситуациях. Так, в любовном дискурсе хороши куртуазные формы речи и поведения, которым современная коммуникация обязана романской (итало-французской) культуре (как бы мало современный средний человек ни был исторически-культурно образован, он что-то знает об этом), в праздничном, карнавальном дискурсе — не столько «карнавально-бразильские» (что́ средний небразилец знает о них?), сколько разработанные в средневековой европейской (прежде всего — той же куртуазной и игривой французской), а в деловой беседе — ее этикет, включая *small talk* и др. жанры, проработанные в современной англо-американской культуре.

Точно так же, вероятно, в морском / корабельном дискурсе XVIII в. (русском) — голландские (но, конечно, о жанрах, стереотипах того «морского дискурса» осталось очень мало аутентичных памятников — основные, так сказать, следы остались в морской терминологии [Солнышкина 2005]). Если же попытаться еще больше погрузиться в глубь веков, можно предположить, что в русском крепостническом дискурсе XV–XIX вв. для задабривания и крепостников, и чиновников использовались формы и жанры (или их следы), разработанные раньше — во времена Орды (общение русских, особенно князей, с мурзами и под.). Русские, в общем, не могут не отдавать себе отчет, что разработанная в русской коммуникативной культуре чрезвычайно богатая и эффективная система средств и формул дружеского общения может стать удобным инструментом для достижения различных корыстных целей — и отдельные носители русской речежанровой компетенции не могут время от времени не использовать данный инструмент: как разновидность лести, задабривания собеседника (например, начальника), разговаривая с ним как с другом. Вероятно, особенно действенным, потому что не вызывающим подозрений, такой способ может быть как раз с «другим», т. е. культурным аутсайдером, — а представители власти на Руси часто были такими: «от Рюрика», ордынские баскаки и т. д. Много интересного дало бы историческое речежанровое исследование (но на каком материале?) общения с начальником, где на формирование образа начальника «на генетическом уровне» повлияли такие мурзы из Орды, которым приписывается и сила, и неспособность понять нашу систему (*Ты начальник — я дурак*).

Конечно, эти два типа структурирования культуры / культур (при возможности сопоставления) связаны: например, число образованных людей, качество образования в данную эпоху, наиболее актуальные обсуждаемые общественные проблемы, наиболее читаемые, обсуждаемые, инсценируемые в театре, кино произведения — «субстанциональный», генетический подход, но он неразрывно связан с типологическим, абстрактно-структурным подходом: какие речевые жанры были популярны для оформления и передачи этих и подобных текстов (сложные, «высокие»,

«творческие» — или «низкопробные»: «на уровне: шоу, скандалы, преступления, расследования, гороскопы»...).

В этом диахроническом смысле, таким образом, ТРЖ может дать лингвистике (скорее это пожелание на будущее) материал для осмысления будущей языковой узуальности и даже системности, а именно: РЖ как основа такой системности.

Объективная трудность связана с неравномерностью представленности материала.

Эпох, о которых сохранилось достаточно сведений в плане и языка, и речи, и речевых жанров, очень мало, в основном о прошлых эпохах мы имеем более-менее надежные данные, касающиеся языка, но не речи / РЖ; о современной же, наоборот, — о речи, языковые изменения, следующие за жанрами речи, ждут нас в будущем.

*

Как видим, теория речевых жанров обнаруживает значимые пересечения с целым рядом наиболее актуальных проблем лингвистики. Те разделы лингвистики, где ТРЖ может быть особенно полезна, не ограничиваются собственно набором жанров и их именами и структурой — в ве́дение обеих дисциплин попадает наиболее принципиальная часть коммуникативно-речевых компетенций на разных уровнях языка и речи в различных сферах.

Главными препятствиями на пути к собственно лингвистическому изучению жанров, безусловно, стали многообразие жанров и их вариативность. Даже если представить, что кем-то будет составлен полный список РЖ, при любой попытке применить его к речежанровому многообразию на практике такой список будет немедленно сведен на нет громадным количеством незначительных и очень значительных отклонений от «стандарта», авторской и «слушательской» непредсказуемостью, личностной окраской и субъективной волей, участием самых разнообразных и тоже непредсказуемых компонентов ситуации общения.

Как часто бывает в период становления новых научных парадигм, развитие теории опережало развитие методов. Принципиально новые идеи, как правило, не получали (и нередко не получили до сих пор) адекватных методов для их подтверждения.

Пока неясно, сможет ли изучение речи выработать более строгие методы или же их принципиально не существует (дисциплина, не обладающая строгим методом, всегда будет вызывать неудовлетворенность, в том числе у самих ее представителей, из-за субъективности и произвольности, а выводы могут оказаться слишком далеко идущими).

Принципиальным представляется и вопрос о конкретных линиях членения лингвистики и ТРЖ с выявлением наиболее значимых мест взаимного пересечения. Нарисовать такую картину, в сущности, несложно, но она с неизбежностью будет субъективной и производной от конкретного анализа, материала и личных мнений, и интересов исследователя. Так, ТРЖ наиболее пересекается с коммуникативно-социологическим направлением лингвистики (или даже является его частью) (по К. Ф. Седову [2016]), хотя и для трех других ее направлений (структурно-языкового, когнитивно-психологического и художественного [Там же]; см. выше) ТРЖ очень значима.

Многие особенности современного лингвистического жанроведения определяются содержательноцентричными тенденциями, общими для ряда направлений современной отечественной лингвистики (пп. 1.2, 1.3, 1.4, 1.5, 1.6):

- отсутствие или несоразмерно малая доля лингвистического анализа конкретного материала — языковых и речевых единиц, предшествующего выводам более общего характера («перепрыгивание ступеней»), или, другими словами, преимущественно дедуктивный характер;
- принципиальная типологическая незамкнутость материала, распределяемого по анализируемым сферам, возможность (а иногда — обязательность) дополнения списка даже базовых противопоставлений (таких, например, как фатические и информативные речевые жанры; ценностно-, понятийно-, образно-ориентированные концепты и т. п.), при этом характер данных противопоставлений нежесткий;
- анализу во многих случаях присуща определенная степень субъективизма, что сближает речежанровый анализ с литературоведческим.

Ряду направлений, в которых взаимодействие лингвистики и жанроведения были значительны и которые развиваются особенно активно и успешно, в нашей монографии будут посвящены отдельные разделы:

- когнитивная лингвистика: на основе теории и методики жанроведения изучаются коммуникативные концепты — структуры высшего порядка, включающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы в цепочки речежанровой системности «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр»; обсуждается роль речевых жанров при изучении языковой оценки (наряду с понятием оценочного жанра используется понятие формы оценки как разновидности жанровых норм, обусловливающих, с одной стороны,

прагматическое, стилистическое, лингвистическое моделирование оценочных действий, с другой — различия между смежными оценочными жанрами) (см. пп. 1.2 настоящей монографии);

- представление речевой картины современности: показывается, что при решении данной задачи жанроведение дало лингвистике, во-первых, важнейший объект изучения: РЖ в формировании речежанровой картины той или иной страны / эпохи и наиболее критические, в этом смысле, моменты и тенденции; во-вторых — разработанную в ТРЖ методику описания данной речежанровой картины страны / эпохи (речевой / языковой картины страны / эпохи) (пп. 3.1);
- изучение языковых заимствований в связи с заимствованиями речежанровыми (пп. 3.1.2);
- изучение отражения активных речежанровых процессов в художественной литературе (пп. 4.4);
- изучение интернет-коммуникации и ее жанров (пп. 4.3);
- корпусная лингвистика и корпусная генристика как ее часть (проблема ключевых фраз речевых жанров) (пп. 5.1);
- жанроведение и наукометрия: цифровизация современной науки понимается как процесс, имеющий речежанровое содержание, опирающийся на речежанровые механизмы порождения и трансформации текста, осмысление которых может быть полезно и для того, чтобы лучше понять природу, задачи и инструментарий наукометрии на данном этапе, и для того, чтобы лучше понять речежанровую структуру научной речи (пп. 5.2).

Речежанровые модели для описания русской культуры

Модель А. Вежбицкой, ее возможности и границы

Анна Вежбицкая очень много сделала для развития ТРЖ в ее современном виде, в частности, в России.

Как редактор журнала «Жанры речи», не могу не отметить многолетнее плодотворное сотрудничество с А. Вежбицкой: целый ряд ее статей был опубликован в журнале (в 1997–2013 гг. — в сборнике) «Жанры речи» (а также сборнике «Прямая и непрямая коммуникация»): *Вежбицка А.* Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 99–112; *Вежбицкая А.* Культурно-обусловленные сценарии: новый подход

к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 112–133; *Вежбицкая А., Годдард К.* Дискурс и культура // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. С. 118–157; *Вежбицкая А.* Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Колледж, 2003. С. 136–159; *Вежбицкая А.* Универсальные семантические примитивы как ключ к лексической семантике (сфера эмоций) // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 156–182; *Вежбицкая А.* Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 131–159. (См. страничку Анны Вежбицкой на сайте журнала: http://zhanry-rechi.sgu.ru/ru/node/432).

Есть основания утверждать, что предложенный и разработанный А. Вежбицкой подход к сравнительному изучению речевых жанров в разных культурах («Речевые жанры, выделенные данным языком, являются ‹…› одним из лучших ключей к культуре данного общества» [Wierzbicka 1983: 125]) является единственным по-настоящему новым и оригинальным направлением современной теории речевых жанров, который не был в том или ином виде предвосхищен, отмечен и развит М. М. Бахтиным либо его непосредственными последователями (см. историографический очерк о периодизации теории речевых жанров, тенденциях в ней и т. д. в нашей монографии: [Дементьев 2010а: 17–76]). Идея сравнения национальных культур через посредство наборов разных универсальных и национально специфичных речевых жанров является востребованной в целом ряде современных сопоставительных, типологических, кросс-культурных, а также общетеоретических исследований.

Теоретическая и методологическая основа сравнительного исследования РЖ, так же как типов текстов, прагматики речевых и языковых единиц (а шире — семантики лексики и грамматики), — осмысление их через национально-культурные сценарии и описание на метаязыке семантических примитивов [Wierzbicka 1983; 1987; 1990; 1991; 2005; 2006; 2009; Goddard, Wierzbicka 1997; Peeters 2009; 2016; Besemeres 2004].

А. Вежбицкая исходит из того, что в разных культурах конкретные речевые формы находятся под регулирующим влиянием разных норм, в результате передаваемые при их помощи значения и смыслы тоже являются разными. Культурно обусловленные сценарии наполняют данные значения и смыслы ценностным содержанием, например, в разных культурах существуют разные представления о табуируемом и, наоборот, предписываемом для обязательного выражения в речи. Поэтому исследователь может оценивать какое-либо коммуникативно-речевое явление той или иной культуры только в рамках данной культуры, но не с точки

зрения другой культуры. В частности, было бы неверно определять какое-либо высказывание как «косвенное» только по той причине, что оно является таким в другой культуре.

Перечислим основные положения А. Вежбицкой, высказанные в названных и других ее работах, которые представляются нам наиболее значимыми при исследовании РЖ.

1. Конкретные языковые и речевые категории, нормы использования тех или иных средств находятся под сильным влиянием сценариев национальной культуры, которые наполняют данные категории, конкретные языковые и речевые единицы содержанием (прежде всего, оценочным), регулируют правила и ограничения на их использование в речевой коммуникации.

2. Исследование РЖ, типов текстов, прагматики речевых и языковых единиц, претендующее на адекватность, можно осуществлять только с учетом особенностей данной национальной культуры, сложившихся в ее рамках ценностных норм, приоритетов, регулятивов. При описании конкретных явлений той или иной национальной коммуникации следует, с одной стороны, отказаться от универсалистских претензий, с другой — избегать этноцентризма (попыток объяснять явления одной культуры с точки зрения того, что они означают в другой культуре).

3. Недопустимо смешивать (и называть одним и тем же термином, таким как «вежливость», «искренность», «непрямота» и т. п.) явления, проистекающие из действия разных культурных сценариев. Особенно на это следует обращать внимание при сравнении разных культур, но и внутри одной и той же культуры недопустимо смешивать такие явления. Это хорошо показала А. Вежбицкая на материале японской культуры, исследователи которой часто определяют как (одну и ту же) «непрямоту», например, 1) стремление не сообщать в разговоре о том, чего человек хочет: вместо этого он произносит «скрытые» высказывания, надеясь, что адресат поймет его правильно и даст желаемый ответ или совершит желаемое ответное действие; 2) манеру японцев использовать неопределенные выражения, содержащие числа. Например, покупая яблоки, японец скорее скажет: *Mittsu-hodolgurailbakari kudasai* (‘Пожалуйста, дайте мне около трех штук’) вместо *Mittsu kudasai*: это, подчеркивает А. Вежбицкая, уже другая японская культурная ценность — *enryo*, которую нельзя смешивать, например, с ценностью личной автономии, принятой в англо-американской культуре [Вежбицкая 2003: 148].

4. Не являются универсальными понятия вежливости, гармонии, солидарности, непосредственности, искренности, интимности, самовыражения

и самоутверждения и т. д., как и в целом представления о «хорошей», «образцовой речи», через которые некоторые исследователи пытались объяснять РЖ. Тем более не являются универсальными традиции и нормы обращения к конкретным языковым единицам для достижения вежливости, гармонии, самовыражения и т. д.

5. Нормы, регулирующие использование тех или иных языковых и речевых средств, являются исторически подвижными. А. Вежбицкая хорошо показала этапы развития косвенности в английской культуре (этап I — свободное использование императивов и перформативных глаголов «требования» (*I pray thee, do it*); этап II — рост ограничений на использование императивов, распространение «whimperatives» (*Could you / would you do it?*), отказ от перформативного использования глаголов «требования»; этап III — распространение «предложений» (*suggestions*) разных типов (*I would suggest… / Perhaps you could… / You might like to…*); этап IV — дальнейшая эволюция *suggestions*: от *I would suggest* до *I was wondering if*). По мнению А. Вежбицкой, главной движущей силой данной эволюции выступила содержательная категория «*Anglo scripts against 'putting pressure' on other people*», понимаемая как культурный «англо-саксонский» запрет на «давление» на людей [Wierzbicka 2006; Вежбицкая 2007].

Данные положения А. Вежбицкой представляются весьма существенными для исследования РЖ.

В качестве культурного сценария (коммуникативной ценности), в значительной степени регулирующего многие нормы и категории русского языка и речи, в том числе — значение и правила использования непрямой коммуникации (**первое** положение А. Вежбицкой), может рассматриваться, например, оппозиция персональности ~ имперсональности (см. пп. 1.2 и 2.1 настоящей монографии).

Второе и **четвертое** положения представляются очень важными: влияние этноцентризма и универсализма испытал и ряд отечественных работ по РЖ, где исследователи пытались объяснять явления русской речевой культуры в рамках теории, методики и терминологии, разработанных для других культур (прежде всего, англоязычной), объясняя значение и причины обращения к ним теми же факторами, что соответствующие англоязычные выражения в западной прагмалингвистике. Мы попытаемся исправить это ограничение, проанализировав в рамках русских культурных сценариев ряд явлений (главы II, III, IV настоящей монографии), показав их настоящее значение.

Верность **третьего** и **пятого** положений А. Вежбицкой полностью подтверждается тем, что оппозиция персональности ~ имперсональности

значительно меняется, наполняясь новым содержанием в связи с событиями русской / российской истории (ср. события только новой истории: имперский период, особенно царствование Петра I, сопровождавшееся большим количеством заимствований в сфере управления государством, социальных иерархий по типу западных; царствование Николая I с его разросшимся бюрократическим аппаратом; революция и последующее развитие «канцелярита»; постсоветский период с педалированием левого члена оппозиции персональности ~ имперсональности как реакция на советский официоз [Сиротинина 2013].

Исследовательницу интересовали преимущественно вопросы **метаязыка** семантических примитивов (в частности, его универсальности, применимости не только к разным языкам, но и к разным уровням языка и речи: не только к языковой семантике, но и к речевой прагматике, а в конечном счете — к культурно-коммуникативно-языковым феноменам высокого уровня, общим и фундаментальным закономерностям, которые потом помогли бы объяснить все другие закономерности в данной лингвокультуре). Именно эта задача-максимум определяла частные задачи «русистики школы Вежбицкой» (в большинстве случаев успешно выполненные): выделение и описание целого ряда русских коммуникативных сценариев, которые, в свою очередь, помогают понять остальные, более частные — лексико-семантические, грамматические, прагматические — законы русской лингвокультуры (эти последние объясняются в той же теоретической плоскости и формулируются на том же метаязыке семантических примитивов). Нет необходимости говорить, что на сегодняшний день данные разработки составляют одно из наиболее ценных приобретений теоретической русистики и лингвистики в целом.

Следует подчеркнуть, что общая для объяснения чрезвычайно многообразных культурно-языковых феноменов теоретическая плоскость и общий метаязык описания — безусловное достоинство данных исследований, которым, к сожалению, не могут похвастаться многие другие исследования в рамках данной или близких предметных областей. В то же время именно названная особенность объективно несколько мешает о б ъ е д и н и т ь достижения Вежбицкой с достижениями других исследователей, пользующихся другими (более традиционными) методиками и метаязыком описания. Кроме того, некоторые положения теории Вежбицкой представляются небесспорными (начиная с конкретного набора семантических примитивов).

Как известно, подход А. Вежбицкой развивался из критики «несистемности», противоречивости традиционных лингвистических описаний, а также их этноцентризма. Не умаляя достижений А. Вежбицкой и ее последователей, описавших множество языковых, речевых, коммуникативных и культурных явлений в нескольких десятках языков в оригинальной («самопонятной» и, в идеале, преодолевающей этноцентризм) терминологии семантических примитивов, отметим, что требования самопонятности и минимальности семантических примитивов, с одной стороны, и требование универсальности — с другой, в известной степени противоречат друг

другу. При определении места того или иного явления в языке не может быть существенным, представлено ли данное явление з а п р е д е л а м и данного языка, в других языках, и какую роль играет там, т. е. его универсальность или неуниверсальность. Преимущества описаний, осуществленных на метаязыке семантических примитивов, можно уподобить преимуществам литературы, которая была бы написана при помощи алфавита, состоящего только из самых простых в мире букв, при этом простота написания автоматически приравнивалась бы к распространенности. Вряд ли можно считать дополнительным достоинством данного метода и то, что осуществленные таким способом описания будут-де понятны всему человечеству, любому наивному носителю любого языка, «любому папуасу»: увы, нелингвисты не читают работ Вежбицкой; для многих же лингвистов далеко не очевидно, почему определения лингвистических явлений через посредство примитивов «лучше», чем традиционные лингвистические и филологические определения. Попробуйте-ка перевести на примитивы «Войну и мир», или объяснить специфику английской фонетики (например, межзубных согласных) неангличанам, или, например, объяснить таким образом «любому папуасу», чем отличается вкус кари от вкуса чили.

Следует отметить, что многое сближает подход Вежбицкой к изучению коммуникативных сценариев с развиваемой нами теорией коммуникативных ценностей, например, то, что отличительная особенность сценариев, формулируемых, Вежбицкой, — активное использование слова *хорошо* в характеристиках типов общения, отдельных его элементов и параметров, ситуаций.

Складывается впечатление, что рассуждения А. Вежбицкой о русских неуниверсальных диалогических, коммуникативных ценностях в большой степени сводятся к фактическому утверждению *разговора по душам* (который осмысляется через систему ассоциированных с ним других ключевых понятий русской культуры, в большей степени лексикализованных, таких как *душа* и *правда*) в качестве русского коммуникативного идеала. В целом это вызывает наше согласие (см. пп. 4.1 и 4.2 монографии), но не до конца: так, в своих кросс-культурных исследованиях А. Вежбицкая ограничивается противопоставлением русского сценария (и ценности) *разговора по душам* английскому *dialogue*, включающему идею социального института, и не рассматривает другие русские коммуникативные единицы и жанры, также включающие данную идею, такие как *светская беседа* (есть только упомянутое вскользь положительно оцениваемое «*художественное вранье*») [Вежбицкая 2002: 31–32].

На основе приведенных выше положений А. Вежбицкой и с учетом их критики сформулируем следующие параметры методологической модели.

1. В качестве базовой содержательной категории используется сценарий по А. Вежбицкой — «общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя, — мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению. ‹…› они представляют собой некую “наивную аксиологию”, запечатленную в языке» [Там же: 6].